

Павел Мишин

К ВОПРОСУ О ПОНЯТИИ «МЕХАНИЗМ ОБОРОТНИЧЕСКИХ ПРЕВРАЩЕНИЙ»

Paul Mishin

ON THE QUESTION OF THE CONCEPT «MECHANISM OF INTOTRANSFORMATION»

В статье автор после анализа отечественных и зарубежных научных источников приходит к выводу, что уместно использовать понятие «механизм оборотнических превращений», которое описывало бы сущностную, корневую часть оборотнических верований в любой точке времени и в любой культуре.

The article analyzes the options for the similarities and differences of mentioning semantics of white and close to it phonemes in Slavic folklore, place names and ethnonyms: Russian, Serbs, Croats, Slovaks.

Рассказы, описывающие превращения людей в животных, известны во многих традициях, в том числе и в белорусской. Они, в силу необычности сюжета, всегда привлекали внимание как рассказчиков, так и исследователей. В своё время эти тексты попали в область внимания учёных, которые стали пытаться выявить причины возникновения и существования оборотнических представлений, пытались понять, что именно лежало в их основе, как подобные верования вообще могли появиться и почему продолжали и продолжают существовать. Появляющиеся в XIX веке научные школы предлагали свои способы разрешения этого вопроса в рамках той или иной принятой парадигмы. Одно из первых объяснений, данное мифологической школой, сводило всё к метафорическому описанию природных явлений (оборотень – серая туча, закрывающая солнце и т.п.).

Возникшая ближе к концу XIX века школа эволюционизма опиралась на теорию о последовательной смене религиозных верований. Её представители выдвинули концепцию, согласно которой вера в оборотничество развивается из тотемизма. Вера в родство с животными или растениями опиралась на миф о первопредке, бывшим изначально (или ставшим впоследствии) зверем, но породившем в браке человека – первого представителя племени. Подобные тексты выглядели хорошей основой для возникновения веры в возможность превращения. Позднее, когда было отмечено отсутствие именно тотемистических верований в традициях большинства народов, появилась идея пережитков, описывающая более поздние верования как искажённые, но сохраняющиеся остатки когда-то имевших место верований [3, с. 391].

Марксизм разворачивал свою модель развития религии в духе эволюционизма. Соответственно, именно эта концепция стала основной как на территории СССР, так и на постсоветском пространстве. Более того, в советской религиозно-этической литературе стало общим местом выведение из тотемизма практически всего, что хоть каким-то образом связано с животными [2, с. 81]. Это, с одной стороны, существенно упрощало объяснения, но, с другой, резко ограничивало работу учёных по изучению и трактованию животной символики, направляя их усилия в область изучения социальных взаимодействий, что проистекало из отличий марксистского подхода от чисто эволюционистского. Если во втором формы религии просто эволюционируют одна из другой, то в первом религия является не более чем отражением социальной структуры социума (которая, в свою очередь, является отражением конкретных способов производства, характерных для некоторого сообщества, пребывающего в определённой формации).

В отличие от СССР, где господствовал марксизм, западные учёные всю середину XX века находились под достаточно сильным влиянием фрейдизма и, шире, психологических теорий. Это привело к тому, что происхождение оборотнических верований выводилось из различных феноменов человеческого сознания, в первую очередь – из душевных заболеваний, страдающие которыми считают себя животными и ведут себя соответственно [1, с. 100, 131]. Поскольку для образа волка в общественном сознании весьма характерна жестокость, свирепость и ярость (качества, неподобающие в социуме и подлежащие искоренению), превращение в волка идеально совпадало с фрейдистским постулатом о вытеснении в глубинные слои психики подавляемых желаний и страхе перед их высвобождением и свободным проявлением. Данная концепция хоть уже и не высказывается активно в настоящее время, но всё ещё остается актуальной и периодически упоминается.

Частично на основе психологических школ, частично на волне изучения социальных аспектов ритуала появляется концепция происхождения представлений об оборотничестве из обрядов инициации. Ученые отметили, что в названных обрядах существенную роль играют животные-первопредки, действия которых нередко повторяют проходящие через ритуал, в том числе и подражая им в поведении и внешнем облике (с помощью костюмов, масок и иных символических инструментов). Это позволяло не просто объяснить возникновение оборотничества, но и связать его с такими феноменами традиционной культуры, как половозрастные сообщества (союзы молодых воинов и т.п.) с присущей им ритуальной практикой. Этнографические материалы (в том числе и для восточнославянского региона) давали свидетельства о многочисленных «пережитках» – молодёжные группы, половозрастные «партии» в ритуалах и пр., которые использовались для реконструкций исходных верований.

Что касается современного состояния вопроса, то – если говорить о постсоветском пространстве – после низвержения марксизма с престола всеобщей догмы, его концепции отходят в тень. Идея происхождения всего, что связано с образами животных, из тотемизма не используется явно, скорее подразумевается как нечто общеизвестное – про неё нередко вспоминают в популярной литературе. Помимо всего прочего, слом догматики открыл для исследователей множество неосвоенных ранее областей и методов, поэтому авторы чаще всего сосредотачиваются не столько на самом превращении, сколько на той информации, которую можно из его описания извлечь (соотношение верований, вхождение в единые семантические пучки и т.п.). Вопрос же сущности представлений об оборотнических превращениях практически не рассматривается, отсылая по умолчанию к тотемистической, инициационной или психологической концепции. Эта устремлённость находится в русле современных подходов, которые склоняются к отказу от попыток обнаружить истоки оборотничества или вообще изучать его основы.

Нам представляется, что изучение сущности оборотнических верований как составной части культуры является необходимым. Однако текущий теоретический базис недостаточен. Имеющиеся концепции, хоть как-то касающиеся

сущности оборотнических верований, сосредоточены в первую очередь на поиске их источника. Всё, что касается их бытования в последующие эпохи, имеющиеся теории, строго говоря, не рассматривают, объявляя всё, что прямо или косвенно относится к этой теме, последствиями, пережитками или искажениями («найденного») исходного представления. Однако вопрос генезиса оборотнических верований не тождественен ни вопросу их существования в более поздние времена, ни вопросу об оборотнических представлениях как части традиционной культуры.

Религиозно-мифологические представления являются неотъемлемой частью жизни общества и, в значительной степени, определяются им. Поэтому, с нашей точки зрения, необходимо разделить темы происхождения оборотничества, его существования в архаическом социуме и его существования на время фиксации этнографических материалов (изучение современных оборотнических представлений является отдельной темой и здесь не рассматривается). Это позволит нам избежать необходимости обращения к концепции «пережитков».

Также, на наш взгляд, уместно использовать понятие «механизм оборотнических превращений», которое описывало бы сущностную, корневую часть оборотнических верований в любой точке времени и в любой культуре. С нашей точки зрения, во всякой религиозно-мифологической системе имеются некоторые представления, которые можно рассматривать как фундаментальные – они описывают структуру космоса, ожидаемые результаты взаимодействий различных сил, типовые характеристики действующих персонажей и т. д. Вера в оборотничество не может быть отнесена к числу фундаментальных, поскольку рассказы о превращениях человека в животное скорее основываются на других верованиях, чем создают и определяют их. Соответственно, для оборотнических представлений в каждой культуре в любой момент времени должны существовать верования, выступающие по отношению к ним в качестве фундамента.

Под «механизмом оборотнических превращений» мы будем понимать в дальнейшем а) фундаментальные представления, присущие той или иной культуре, которые делают оборотничество возможным в глазах её носителей, а также б) комплексы основанных на этих фундаментальных представлениях действий, приводящих непосредственно к превращению. Это даст возможность выявить специфику оборотнических представлений в отдельные исторические периоды и для отдельных культур.

Список литературы:

1. Нолл, Р. Вампиры, оборотни, демоны в психиатрической литературе XX века / Р. Нолл. – Киев : Факт, 1999. – 250 с.
2. Соколова, З. П. Животные в религиях / З. П. Соколова. – М. : Лань, 1998. – 288 с.
3. Токарев, С. А. Ранние формы религии / С. А. Токарев. – М. : Политиздат, 1990. – 622 с.

Ульяна Жылко

**ПЕРААСЭНСАВАННЕ МАТЫВУ «ЗАКЛЯТАГА БАГАЦЦЯ» Ў
КАЗЦЫ ДЖ.ТОЛКІНА «ХОБІТ, АБО ВАНДРОЎКА ТУДЫ І
НАЗАД»**

У артыкуле разглядаюцца адметнасці пераасэнсавання фальклорнага матыву «заклятага скарбу» ў апавесці-казцы Дж.Толкіна «Хобіт, або Вандроўка туды і назад». Акцэнт робіцца на разглядзе лёсу рэчаў заклятага скарбу і лёсу ўладароў заклятага багацця. Падкрэсліваецца амбівалентнасць у сімвалічнай трактоўцы матыву.

Uliana Zhilko

**RETHINKING «ARCH – RICHES» MOTIVE IN J.R.R. TOLKIN'S
FAIRY TALE «THE HOBBIT, OR THERE AND BACK AGAIN»**

The article discusses some variants of rethinking the folk motive «accursed treasures» in J.R.R. Tolkien's fairy tale «The Hobbit, or There and Back Again». The emphasis is on the on considering the fate of things of the cursed treasures and the fate of the lords of the cursed riches. The author emphasizes the ambivalence in the symbolic interpretation of the motive.

Вусная народная творчасць выступае шырокай прасторай для навуковых пошукаў. Цікавасць ўяўляе сюжэтаўтваральны матыву так званых «заклятых скарбаў», пошукі і авалоданне якімі, па народных уяўленнях, звязвалі з дзеяннем магічных рытуалаў, якія засцерагалі рэчы ад знаходжання чужымі людзьмі. Паколькі фальклор ва ўсе часы з'яўляецца крыніцай матываў для аўтараў арыгінальных літаратурных твораў, то літаратуры розных перыядаў і эпох змяшчаюць дастатковую колькасць прыкладаў пераасэнсавання названага матыву, пачынаючы ад сярэднявечнага эпасу, які арыентаваўся на вусную славеснасць як на перашакрыніцу, і заканчваючы новай літаратурай, для якой у значнай ступені характэрны ўстойлівы ўплыў рамантычнай традыцыі.

Адным з яркіх прыкладаў пераасэнсавання дадзенага матыву ў англійскай літаратуры з'яўляецца апавесць-казка Дж. Толкіна «Хобіт, або Вандроўка туды і назад». Письменнік абапіраўся на кельцкі, скандынаўскі і германскі фальклор. Сюжэт казкі заснаваны на найбольш папулярных матывах народных чарадзейных казак: золата і каштоўнасці выступаюць рухальнай сілай і першапрычынай ўсіх гісторый, звадак і сутыкненняў. Нягледзячы на відавочную аўтарскую апрацоўку, фальклорны матыву «заклятага багацця» пры аўтарскім пераасэнсаванні захававу традыцыйную аснову. Неабходна выявіць адметнасці лёсу саміх каштоўнасцей і лёсу скарбашукальнікаў, а таксама разгледзець сам працэс дасягнення пастаўленай мэты, звязанай з пошукамі і авалоданнем скарбам.

Спачатку трэба прыгадаць гісторыю багацця гномаў: дзякуючы прыроднай працавітасці і ўпартасці, падчас раскопак Гары гномы знайшлі шмат каштоўных камянёў і золата і ў выніку неверагодна разбагацелі. Гэта прывяло да ўзнікнення своеасаблівай ідыліі, «залатога часу»: «Увогуле, той час быў для нас добры. Самыя бедныя з нас мелі грошы, каб пазычыць і траціць, і вольны час, каб рабіць цудоўныя рэчы проста дзеля свайго задавальнення [2, с. 42]». Па меркаванні даследчыка творчасці пісьменніка Н. Баналія, каштоўнасці рознага кшталту, напрыклад, упрыгожванне з чыстага золата становіцца носьбітам і выразнікам першароднай сілы, якая зыходзіць з зямных недраў. Такім чынам, упрыгожванні і каштоўныя камяні, якія амаль што ва ўсіх міфах і легендах звязаны з цмокам або змеям, заключаюць у сабе сімвал